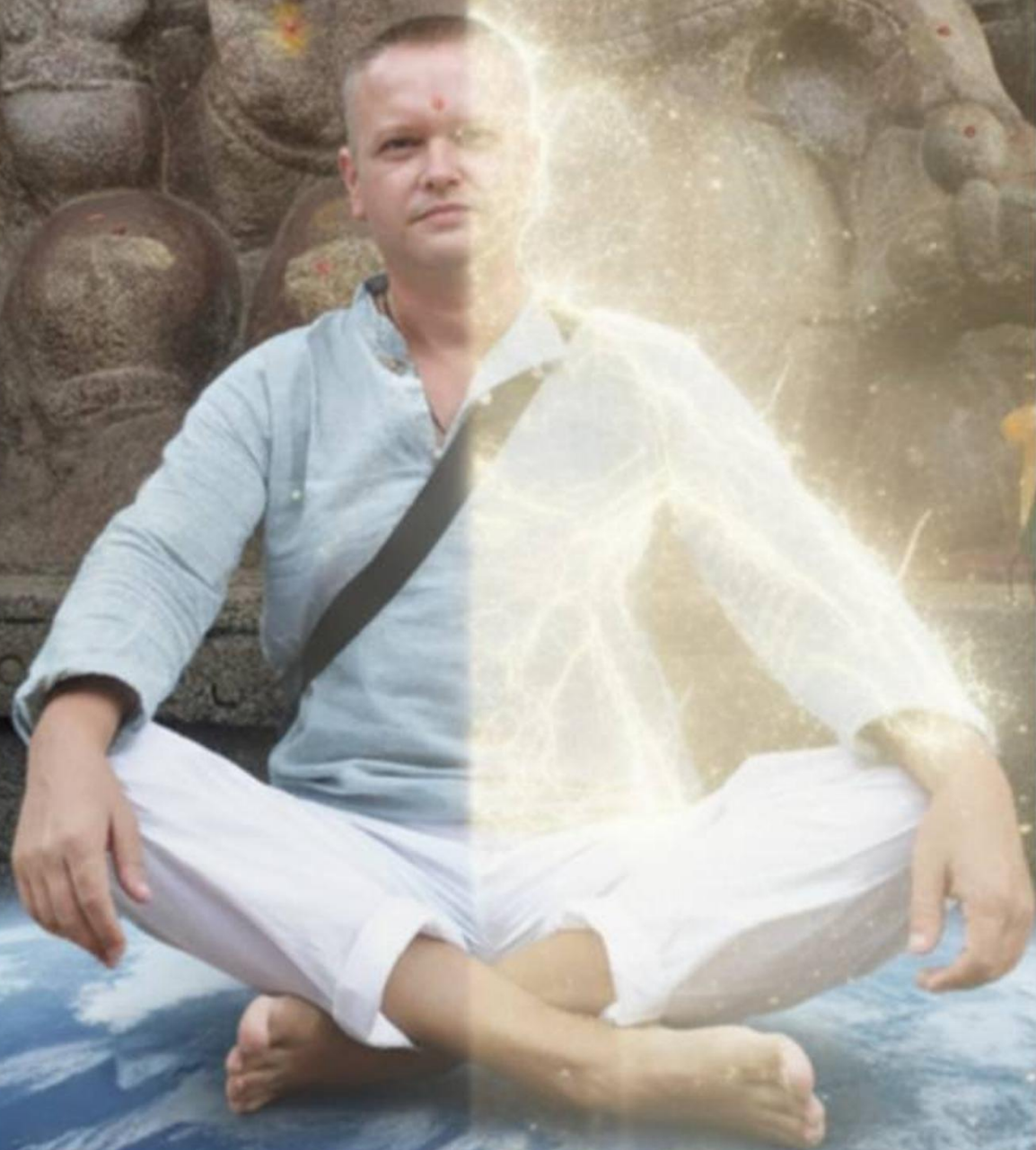

Артур Грант

Свет, Который Помнит

Себя

Артур Грант

Свет, который помнит Себя

«Автор»

2026

Грант А. С.

Свет, который помнит Себя / А. С. Грант — «Автор», 2026

Это книга для тех, кто готов перестать читать и начать жить. Жить по-настоящему. Жить как Свет, узнавший сам Себя. Это посвящение в Путь. Она проведёт вас через три витка: очищение жизни, трансмутацию энергии и прямое узнавание своей истинной природы. Вы узнаете, как работать со снами, как исцелять себя и других, как использовать мантры и янтры, и как найти то единственное Место Силы, которое всегда было внутри вас. Книга построена как последовательное раскрытие единой системы, применимой в повседневной жизни: утренняя настройка, практика намерения, работа со стрессом, исцеление отношений, осознанные сновидения, последнее путешествие. Всё это — не магия, а технология. Технология освобождения.

© Грант А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Свет, который помнит Себя	5
Часть 1. Воспоминания	6
Глава 1. Тот, кто держит небо. Встреча на Ай-Петри.	6
Глава 2. Тело как мандала. Тайная пещера Чатыр-Дага	9
Глава 3. Азь есмь. Возвращение к корням.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Свет, который помнит Себя

Свет, который помнит Себя

Часть 1. Воспоминания

Глава 1. Тот, кто держит небо. Встреча на Ай-Петри.

Тропа кончилась там, где, по логике мира, должно было кончаться всё. Дальше был только известняковый скол, нагретый июльским крымским солнцем, и бездна, пахнущая полынью и вечностью. Я шел на Ай-Петри уже четвертый раз за три года, но никогда раньше не чувствовал этой странной тяжести в основании черепа — будто кто-то невидимый нажимал большим пальцем на «третий глаз», требуя открыться.

В эзотерическом мире Крым называют местом силы, «чашей», где переплелись следы киммерийцев, тавров и средневековых исихастов. Но правда грубее: здесь земля сама дышит как зверь. И иногда, если повезет (или не повезет), на этом звере можно встретить Того, Кто уже не человек.

Я заметил его метров за двести. Сидел на обломке мраморовидного известняка, спиной ко мне, лицом к пропасти. Обычный дед в выцветшей ветровке, похожий на грибника, забредшего слишком высоко. Но грибника в десять утра на южном обрыве, где даже козлы ломают ноги, ждать неоткуда. Второе, что кольнуло: полное отсутствие ауры. В моем восприятии даже камни фосфоресцируют тусклым, серым. А здесь — провал. Пустота с присутствием. Будто вырезали кусок из реальности и заклеили дыру человеком.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь. И добавил то, отчего у меня свело живот: — Аарон, ты опоздал на двенадцать жизней.

Аарон — это имя из прошлого воплощения, которое я никому не называл. Даже учителем. Только знал сам как факт, бесполезный для нынешнего «я».

Он был махасидхой. В традиции тибетского буддизма так называют великих совершенных, йогинов, вырвавшихся за пределы кармы и времени. Внешне они могут быть кем угодно: торговцем на базаре, бродягой, пьяницей. Но их главный признак — спонтанное действие, ломающее ваши ожидания. И полное отсутствие желания что-то вам доказать.

— Не спрашивай, откуда я знаю, — произнес он, наконец поворачиваясь. Лицо. Обычное, морщинистое, с добрыми глазами, какие бывают у старых татарских пастухов. Но когда я попытался запомнить черты — они поплыли. Секунду назад широкие скулы — через миг острый подбородок. Не иллюзия, не галлюцинация. Реальность под его кожей текла как ртуть.

— Ты практикуешь «Шесть йог Наропы»? — спросил он буднично, как о погоде.

— Туммо, внутренний огонь, — кивнул я, чувствуя идиотизм положения. Сажусь над пропастью, разговариваю с дедом-призраком об эзотерике.

— И как? Замерз ночью в палатке?

Я промолчал. Он усмехнулся.

— Туммо — это не температура, дурачок. Туммо — это переживание изначальной теплоты бытия, когда ты понял, что «тебя» нет. И тогда какой ветер? Откуда холод?

Он вытянул руку. Ладонь, испещренная венами, похожая на сухой лист платана. А потом из центра ладони вырос язык пламени. Настоящий, оранжевый, с синим сердечком у осно-

вания. Он лизал воздух, но трава под рукой не горела. Камни не трескались. Жар я ощутил затылком.

— Иллюзия? — спросил я, надеясь сохранить лицо.

— А что не иллюзия? — легко согласился он. Пламя погасло. — Вот ты мне скажи, Аарон, какая у тебя сейчас практика главная? Не та, что по утрам, с мантрами и подушкой. А та, что вот здесь, — он ткнул меня в грудину. Пальцем, который только что жег огонь. — В этой дыре между вдохом и выдохом?

Я мог бы сказать про випассану. Про наблюдение мыслей. Но вдруг горло перехватило. Потому что в последние дней никакой практики не было. Только бег. Только планирование. Только страх, что не успею, не пойму, не раскрою.

— Правильно молчишь, — кивнул махасидха. — Прозрение — это не вспышка. Это когда перестаешь врать себе. А вы, современные искатели, великие мастера самообмана. «Медитирую на сострадание», а сами ненавидите соседа за громкий телевизор. «Отрешился от эго», а как речь пойдет о вашей книге — сразу: я, меня, мое.

Он встал. Легко, по-звериному, хотя на вид ему было за восемьдесят. Подошел к краю обрыва. Внизу лениво шевелилось море.

— Хочешь практику? Реальную? — спросил вдруг.

Внутри все похолодело и загорелось одновременно.

— Шагни, — сказал он.

И вот здесь происходит главное, что выносит ученик из встречи с махасидхой. Не мантра. Не посвящение. Не секретная техника дыхания. А точка выбора. Момент, когда ваша духовность трещит как яичная скорлупа.

— Шагни, — повторил он. — Без страховки. Без парашюта. Просто пойми: пропасти нет. Страх — единственная пропасть. Смерть — это мысль. И ты, и я, и этот камень под ногами — одна дрожь одной струны. Ты понял это двенадцать жизней назад, но забыл. Сейчас вспомнишь.

Я стоял. Ветер трепал его седые волосы. В моей голове бешено молотил счетовод: 180 метров, известняк, скорость падения... Махасидха улыбнулся. И вдруг стал прозрачным. Я видел сквозь него облака и море.

— Выбирай, — сказал он уже откуда-то изнутри моего собственного позвоночника. — Остаться в уме — или шагнуть в реальность.

Я не шагнул. Но запомнил, как в ту секунду, когда я согласился шагнуть (телом оставаясь на месте), мир перевернулся. Земля стала небом. Небо стало землей. Исчезла спина — я был везде и нигде. В этом состоянии нет восторга. Только абсолютная, пугающая ясность: «Я никогда не родился. Смерть выдумали, чтобы было интереснее».

Прозрение длилось мгновение. Или час. Я очнулся на коленях, в пыли. Махасидхи не было. Только его след на известняке — босой след, хотя он был в кедах. И выжженная пальцем надпись на камне.

Одна фраза на санскрите, которую я потом перевел дома: «Нет горы. Нет идущего. Есть только ходьба».

Всю обратную дорогу я рыдал. Не от грусти. От прощения. От того, что меня двадцать лет учили, а главное сказал случайный дед на обрыве: твоя единственная практика — перестать хотеть стать кем-то другим. Даже просветленным.

Он просто показал дыру в клетке моих убеждений. И ушел.

А я сидел на Ай-Петри, смотрел, как море целует горизонт, и впервые в жизни чувствовал: вот она, встреча с Учителем. Не там, где золотые статуи и благовония. А там, где ты готов умереть за правду. И жить — за простую радость обычного вдоха.

Глава 2. Тело как мандала. Тайная пещера Чатыр-Дага

После Ай-Петри я три дня не мог смотреть в зеркало. Не потому, что боялся увидеть вместо отражения пустоту — нет. Просто обычное лицо, обычные морщины у глаз казались теперь искусной маской, надетой на бездну. Состояние, которое подарил махасидха на обрыве (когда мир перевернулся), ушло. Но оставило занозу. Нестерпимый зуд вопроса: «А что дальше?»

На четвёртый день я побрёл в сторону Чатыр-Дага. Горы там другие — не резкие, а грузные, похожие на спящих слонов. Известняк источен карстовыми воронками и пещерами, из которых дует влажный, тысячелетний холод. Местные говорят: «Там подземный океан. И духи, которые старше богов».

Я не искал махасидху. Я искал тишину, чтобы уложить в ней случившееся. Но эзотерика — штука ироничная: когда перестаёшь искать, находится само.

Пещера называлась «Трёхглазая». Туристический маршрут давно забросили, спуск обвалился. Я нашёл лаз — узкую щель в скале, пахнущую сырой шерстью и сталактитовой пылью. Лезть туда было страшно. Я лез. Где-то на третьем метре, уже в полной темноте, пальцы нашупали не камень, а ткань. Грубую, домотканую. И голос, который я уже знал, произнёс из темноты:

— Зашёл. Молодец.

Он сидел внутри, скрестив ноги, прямо на голом сталагмите. Ни фонаря, ни свечи. Но в пещере было светло — мягким, фосфоресцирующим светом, который шёл от него самого. Или от стен. Или от воздуха между нами. Я перестал различать источник.

— Ты пришёл за «продолжением»? — хитро спросил махасидха. — За новой порцией прозрений, чтобы опять почувствовать себя особенным?

Я хотел сказать «нет», но солгал бы.

— Тогда слушай, — он хлопнул ладонью по камню рядом с собой. — Садись. И запомни не слова, а промежутки между ними.

Он не давал техник в том смысле, к которому привык я — и большинство читателей эзотерических книг. Ни визуализаций на чакры, ни пересчёта дыханий, ни «энергетических замков».

— Всё, чему тебя учили, — сказал он, и в пещере стало ещё светлее, — это украшения на клетке. Ты нарисовал золотые прутья и называешь это «духовностью». Но клетка есть клетка. Её конструкция — это «я хочу», «я боюсь», «я должен».

Он поднёс палец к моему солнечному сплетению. Я почувствовал не тепло — память о тепле, которое будет через секунду.

— Первая реальная практика: перестать убегать от боли. Не создавать боль, нет. Но когда она приходит — тело сжимается, ум кричит «не хочу!». А ты сделай обратное. Расслабься внутри боли. Как в пропасть на Ай-Петри. И увидишь: боли нет. Есть чистая энергия без названия.

Он назвал это «Шесть освобождающих жестов» — но не в смысле движений рук, а в смысле внутренних сдвигов:

1. Осознать, что ты не тело. (Это не теория — почувствовать границы тела исчезающими, как соль в воде).
2. Осознать, что ты не ум. (Наблюдать мысли как облака — но без наблюдателя).
3. Осознать, что ты не переживания. (Радость, страх, гнев — просто погода. Ты — небо, которому всё равно).
4. Осознать, что у тебя нет пути. (Ты уже там, куда идёшь. Практика — не дорога домой, а танец в гостиной).
5. Осознать, что другие — это ты. (Не красивая идея «единства». А конкретное, жёсткое: когда ты желаешь кому-то зла, ты режешь собственную руку).
6. Осознать, что последнего шага нет. (Просветление — не финишная ленточка. Это просто перестать врать себе прямо сейчас).

— Твоя проблема, — он вдруг рассмеялся, и смех его звучал как колокольчики под водой, — ты думаешь, что прозрение — это результат практики. Нет. Прозрение — это сырьё. А практика — это привычка возвращаться к нему каждую минуту, когда мир наваливается.

Он замолчал. И тогда случилось то, ради чего я благодарен судьбе больше, чем за все книги и учителей вместе. Он просто посмотрел на меня. Не как человек на человека. Как бездна на гальку.

В этом взгляде не было любви в привычном смысле. И осуждения. И поучения. Там было чистое узнавание — будто он говорил: «А, это ты. Я тоже. Давно не виделись».

И в ответ на этот взгляд мой позвоночник выпрямился сам. Дыхание встало. И из глубины живота — не из ума, из самого низа живота — поднялось состояние, которое я могу назвать только одним словом: присутствие.

Не медитативное, не расслабленное. Острое как бритва. Тысяча глаз открылась на моей коже. Я слышал, как капает вода в соседнем гроте — и каждая капля была вселенной. Я чувствовал запах махасидхи — старость, дикий мёд и молния. И себя — не «меня», а просто событие бытия.

— Запомни это тело, — тихо сказал он. — Не форму. А ощущение: «Я есть». Это и есть твоя мандала. Не на бумаге рисованная. Живая. Когда забудешь — вспоминай пещеру. И то, как ты был готов шагнуть.

Он исчез так же, как появился. Свет угас. Я остался в полной, абсолютной тьме Чатыр-Дага — один, в трёх метрах под землёй. И самое удивительное: страха не было.

Я сидел и гладил сталагмит. Холодный, живой, дышащий сквозь миллионы лет. И понял, что вот она, настоящая эзотерика: не вера, не ритуалы, не иерархия мастеров. А способность видеть священное в известняке, в собственном колене, в дрожании ресниц.

Выбирался я на свет через узкую щель, обдирая локти до крови. И наверху, где солнце било в лицо, заплакал снова — от глупой, нелепой радости. Потому что крымская трава пахла так, как пахнет только однажды — когда ты вернулся из мира мёртвых в мир живых. И понял: они одинаковы.

Глава 3. Азь есмь. Возвращение к корням.

В горах Крыма махасидха показал мне пустоту. В пещере Чатыр-Дага — присутствие. Но самой трудной оказалась третья встреча. Она произошла уже не в мистическом пространстве, а в библиотеке старого дома в Симферополе, куда я зашел переждать дождь.

Пыльные стеллажи хранили забытые книги по славянской мифологии. И там, среди потрепанных томов, на меня вдруг взглянул лик, который я видел за спиной махасидхи — древний, усталый и одновременно сияющий. Это был Азь.

— Ты думал, что всё пришло с Востока? — спросил меня внутренний голос. — Что твои «прозрения» — чужие? Ошибка.

Сакральная анатомия славянского сознания

Многие сегодня путают «Азов» со скандинавскими Асами — воинственными богами Одинем, Тором и Локи. Да, этимология здесь общая, уходящая корнями в степи Приазовья, где, по одной из версий, жил народ асов (аланов), давший имя Азовскому морю. Но славянские Азы — это не боги вне нас.

Азь (первая буква древней Буковицы) — это глубинное «Я», та самая духовная суть, о которой говорит махасидха, когда просит «шагнуть в пропасть». Сакральный смысл прост, как удар сердца:

«Азь есмь» — не просто «я существую». Это признание своего Божественного начала, своей духовной мощи. Это искра Творца в груди.

Именно об этом «Азе» говорили славянские мудрецы. Пока человек не познает своего Аза, он слеп к мудрости и свету. Вдумайтесь: знаменитая фраза «Азбука» расшифровывается как «Аз» + «Буки» — «Я Бога ведаю». Значит, когда вы произносите слово «Азбука», вы произносите мантру своего единства с миром. Алфавит изначально был сакральным текстом, учебником по обретению себя.

Но Азь — не один. За ним стоят другие первопринципы, которые мне в путанице горных озарений так и не удалось четко назвать.

Славянская традиция, вопреки стереотипам о «темном язычестве», знала строгую иерархию. В отличие от греческих богов, которые прелюбодействовали и ссорились, высшие славянские боги — это силы мироздания, чистые энергии. И если Азь — это ваше духовное «Я», то над ним в этой структуре стоят :

· Род — высшее божество, источник всего сущего. Он создал видимый мир своим словом и мыслью. От его имени — Родина, природа, родители. Это не дедушка с посохом. Это само бытие, которое рождает жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.